

Церлюкевич В.К.

Гродненский областной институт развития образования, Гродно

**К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ И СУЩНОСТИ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В НАУКЕ О ЯЗЫКЕ**

В науке необходимо аргументированно защищать не только свои идеи, но и те методологические, философские основания, на которых строились ваши рассуждения.

Анализируя языковые явления, следует постоянно помнить о том, что язык является, прежде всего, инструментом мышления. Строго говоря, «категории мышления человека определяют категории языка» [1, с. 58]. Поэтому изучение и объяснение как самого языка, так и сфер его использования, невозможно без обращения к научным проблемам, связанным с мышлением.

В этой связи нам показалась очень тенденциозной в хорошем смысле этого слова статья В.И. Абаева «Языкознание описательное и объяснительное». Написана она более двадцати лет назад, но сами проблемы языкознания, затронутые в ней, остаются актуальными и по сей день. По его мнению, лингвистам нужно двигаться в направлении от описательного языкознания к объяснительному. И этот путь «неотвратимо связан с вовлечением в свою орбиту данных тех или иных смежных наук» [2, с. 31]. По мнению автора статьи, «перед объяснительным языкознанием встают межнаучные проблемы, которых не знает языкознание описательное. Главные из этих проблем следующие: происхождение языка; язык и мышление; язык и объективная действительность» [2, с. 31].

На наш взгляд, описательное и объяснительное языкознание не конкурируют между собой, ибо они представляют собой разные области научного исследования. Но, с другой стороны, ученый, описывающий языковую материю, должен осознавать объяснительную силу выбранных им методологических оснований описания в противовес другим возможным вариантам отношения к данному объекту исследования. Поэтому для нас область объяснительного языкознания – это область «методологии как попытки разъяснить какие-то частные особенности, особенности тех или иных понятий, тех или иных знаний, тех или иных теорий» [3, с. 218]. А это уже другая наука, другая область исследований.

«Переход от описательной стадии к объяснительной» корректнее всего было бы понимать как постоянное и необходимое возрастание роли собственно методологических исследований в области языкознания. В идеале каждый языковед должен быть в какой-то степени и методологом, но не в смысле знания о том, что такое методология, а в смысле готовности к постоянной системной коррекции своего лингвистического мышления. Для нас тезис «Эту проблему я для себя давно и окончательно решил» – тезис не научный.

Ученый-лингвист может и должен себе позволять заниматься не только теорией описания языка, но и методологией его описания. Заниматься объяснительным языкознанием ничуть не легче, чем заниматься языкознанием описательным. Правда, есть во всем этом

одна психологическая особенность. Объяснительное языкознание как бы «учит жить» языкознание описательное. Это может не всем нравиться. Но такова специфика и роль методологии. От этого никуда не уйти.

Другое дело, что в самой философии генетические отношения между самой наукой и ее методологией трактуются неоднозначно. Вот как рассматривает и оценивает эти взаимоотношения Г.П. Щедровицкий: «Если из той “малой истории”, т. е. истории нашего собственного идейного развития, следовал и вытекал <...> вывод, что методология вырастает из науки и надстраивается над ней (будучи авторефлексией науки, как это утверждают Лекторский и Швырев), то теперь я позволю себе высказать прямо противоположное утверждение: методология есть значительно более широкое, нежели наука, образование, возникшее задолго до науки и в какой-то момент создавшее ее внутри себя» [3, с. 349].

Мы считаем, что методология может предшествовать науке, сопровождать ее и следовать за ней. Взглянем на язык как на продукт человеческой деятельности. Для создания такого высокоинтеллектуального научного продукта нужно было осмыслить суть этой деятельности. И это осмысление деятельности сопровождало и сопровождает путь становления и развития языка.

Описание языка как готового продукта деятельности начинается с наблюдения за ним. Методология изготовления этого продукта нам досконально не известна. Если бы она была нам известна, у описательной грамматики не было бы никаких проблем.

Поэтому при изучении языка мы чаще всего двигаемся в направлении от описания языка к его объяснению. Но объяснение это только опосредовано будет объяснением сущности языка. Оно фактически будет объяснением наших принципов описания языка, т. е. будет, прежде всего, методологией нашей деятельности.

С этих философских позиций очень интересно наблюдать, в частности, за становлением и развитием такой отрасли науки о языке как «когнитивная лингвистика». Эта наука естественным образом нуждается в определенном методологическом обосновании своего существования. И она действительно столкнулась с самой главной для себя проблемой – проблемой осознания самой себя. Ведь если когнитивная лингвистика – это новая парадигма научных представлений о языке, то это одна ситуация. Если же здесь новое все, в том числе и объект исследования, то это другая ситуация с другими методологическими основами данной науки.

Не секрет, что когнитивная лингвистика воспринимается многими исследователями как новая современная парадигма научных представлений о языке. При таком ее восприятии «новая наука» о старом объекте исследования естественным образом будет стараться избавиться от старых методологических установок. Вот один из вариантов интерпретации разрыва «нового» со «старым»: «Современное лингвистическое знание, вырвавшись из тисков “чистой лингвистики”, проявляет жгучий интерес к разным аспектам языка, представляющим его готовность к функционированию, а также его антропный компонент. Выход за пределы редуцированного “языка в себе” и введение в фокус описания речи, речевой деятельности нацеливается на восстановление целостности языка как научного объекта или интеграцию аспектно ориентированных теорий» [4, с. 37].

Сформулировано достаточно корректно. Само намерение восстановить целостность языка как научного объекта можно только приветствовать. Правда, на наш взгляд, здесь упущен один маленький методологический момент: рассматривая «речевую деятельность», мы имеем дело уже с языком как инструментом этой деятельности. Это уже другой философский и методологический объект исследования.

Теперь другая возможная методологическая ситуация. В «новой парадигме» новое все, в том числе и объект исследования. Тогда, и это совершенно естественно, когнитивная лингвистика еще только ищет свою методологию. Поэтому нет ничего удивительного в утверждении о том, что у когнитивистов все еще «нет сложившейся системы методов и процедур анализа фактов языка» [5, с. 11]. Однако и здесь нужна методология, ибо, если эта новая наука будет анализировать «факты языка», а не «факты его использования», она неизбежно растворится в науке старой.

Поэтому, только разобравшись в этих методологических хитросплетениях, науки о языке могут смело двигаться дальше. В противном случае все закончится как обычно: забвением некоторых идей относительно языка и его использования на некоторое время.

Литература

1. Гуреев, В.А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знаний / В.А. Гуреев // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2. – С. 57-67.
2. Абаев, В.И. Языкознание описательное и объяснительное / В.И. Абаев // Вопросы языкознания. – 1986. – № 2. – С. 27–39.
3. Щедровицкий, Г.П. Философия. Наука. Методология / Г.П. Щедровицкий; ред.-сост. А.А. Пископшель [и др.]. – М.: Шк. культ. политики, 1997. – 656 с.
4. Жаналина, Л.К. Морфема в интегративной лингвистике / Л.К. Жаналина // Филологические науки. – 2009. – № 3. – С. 37-46.